

ДЖЕЙМС ОЛДРИДЖ

ЖИВОЙ ЕГИПЕТ*

Сменя свои причины любить Египет. Я женат на египтянке, и дети мои — наполовину египтяне. Однако даже и при такой связи со страной заметно, что у многих иностранцев (более всего европейцев или людей европейского происхождения), едва они начинают расспрашивать о Египте, появляется в тоне некая особая, великолепная «западность». При этом им и в голову не приходит, что она оскорбительна. И, не будучи слишком серьезно и глубоко увлечены Египтом, эти иностранцы получают как раз те ответы, каких заслуживают.

Дело здесь в отношении к колониальным странам. В мозгу европейца мысль о том, что, скажем, африканцы, перестраивая свою жизнь, намерены обойтись при этом без надменной западной снисходительности, просто не укладывается. Конечно, африканцам нужна техническая помощь и добрый совет, но европейские либералы убеждены, что им необходимы еще и западные формы общественной жизни, и культура только западного образца. А это совершенный абсурд.

Техника — ключ к будущему всех колониальных народов. Несомненно, но почему технику надо обязательно связывать с национальной культурой страны, нуждающейся в технике? И разве к племенному строю Западной Африки, словно черенок к дереву, не «привьется» индустриализация без того, чтобы превращать своеобразное древнее общество в уродливое подобие общества западного?

Это лишь часть проблемы — проблемы понимания современного Египта. Арабский язык в его нынешней форме существует почти тысячу лет, и арабская культура — вероятно, древнейшая культура мира — берет начало где-то в глубине тысячелетий. Египет сам — часть этой культуры, оттого и достались ему в наследство ее огромные литературные и научные богатства. И египтяне внешне — примерно те же, что были в древности, и климат тот же, и страна, и, быть может, даже дух страны...

То, что я говорю, опровергает общепринятый взгляд на Египет. Впрочем, теперь он не такой уж и общепринятый. Быть может, именно поэтому не было ничего странного в том, что Пол Стрэнд, с которым мы разговорились о Египте, сразу меня понял.

Он не обнаружил ни взглядов поверхностных, ни взглядов «либеральных», снисходительных. Он просто понял, что я имел в виду. И мой рассказ о современном Египте (я говорил обо всем, что в нем хорошего и плохого) произвел на Пола впечатление гораздо большее, чем можно было ожидать. Но все же тогда мне и в голову не пришло, что Стрэнда так сильно заинтересует Египет, что, немедленно собрав всю свою сложную фотоаппаратуру, он отправится снимать людей и страну, о которых шел разговор.

Потом мне довелось гостить у Пола дома, в Орговале возле Парижа. Из долгих наших бесед я уяснил, что увидел художник в Египте. Мои заметки (не знаю, насколько они удалась) описывают именно тот Египет, который он наблюдал и фотографировал.

Все могут сказать только работы Пола. Текст — это в лучшем случае слабая, едва слышная мелодическая вариация к теме, с подлинно художественной силой решенной на его снимках.

Человечность, серьезность, глубину вложил Пол Стрэнд в свое отношение к Египту, и Египет оплатил ему тем же.

* «Живой Египет» — сокращенный текст сопроводительных заметок Д. Олдриджа к фотоальбому известного американского фотографа-художника Пола Стрэнда.

■
Такси в Каире — что-то вроде искусственного выючного животного. Да и вообще — что это за машина? Облицовка поцарапана, за рулем крестьянин с шоферскими правами в кармане, но тем не менее водитель отлично знает дело и «оно» прекрасно движется. Спят они когда-нибудь, каирские таксисты? Спящими я их видел разве что в жаркий безмолвный полдень на передних сиденьях автомобилях; по ночам в пустынных переулках они сидят на корточках вокруг примуса, водруженного на какой-нибудь старый ящик, и болтают, смеются, тянут горячий чай, а если боли и тяготы бытия становятся невыносимыми — тянут понемножку и гашиш.

Что это — полусон-полубудствование?

«Мы все еще спим или наконец пробуждаемся?» — могли бы спросить себя и сами египтяне.

Настало время пробудиться. Все говорит о том, что глубокий, безжизненный сон старого мира прерван, и хоть тяжко народу Египта наследие, оставленное этой вековой мертвой спячкой, каждый день ждет он, взволнованно и терпеливо, начала новой жизни.

Сие не значит, конечно, что он ждет, будто остановятся трамваи или изменятся правила уличного движения. Кстати, что до уличного движения, то египтяне в этом смысле вообще люди крайне легкомысленные. Правда, в Каире принят закон, по которому жители обязаны подчиняться светофору — иначе их штрафуют на месте. Но по улицам тем не менее бродят веселые, живые, непокорные и равнодушные ко всяким правилам пешеходы — невозмутимые, дьявольски беззаботные и добродушные. Бог знает сколько лет их угнетали и грабили самые разные правители и оккупанты, сейчас кажется, что они на рубеже...

Каком?

Наверно, они и сами не знают. Они все еще изумляются происходящему. И, понимая, как все нелегко, с сомнением смотрят в будущее и суеверно молчат о первых слабых проблесках надежды; молчат и восклицают: «Аллах! Аллах!»

Они столько ждали — может, хоть теперь кончилось их великое ожидание?

Ответить на этот вопрос надо, но не так-то легко это сделать.

Значение сейчас имеет египетский народ, а не Египет, «как таковой». Западный же мир жаждет сохранить в неприкосновенности древние храмы, все культурное наследие Египта, полагая, что оно общее и принадлежит человечеству. Ассуанская плотина становится, таким образом, культурной проблемой. Когда она вступит в действие, воды Нила зальют долину нераскопанных храмов — а там знаменитый храм Абу Симбела.

Узнав, что египетский народ решил строить плотину, цивилизованный Запад забеспокоился — не о том, как помочь строительству, а о том, как сберечь храм. Это была, вероятно, не та реакция, которой хотелось египтянам, но, я думаю, именно та, которую они ожидали. Так что пера нам спросить себя, где кончатся наши «тонкие чувства» и начинается новый день Египта.

Ученых «археологиею» страшно тревожат памятники древнего Египта и нимало не заботит судьба нового. Феллах не разделяет их точки зрения — по крайней мере сейчас, ибо отношение к прошлому зависит от того, как сильно ты страдал от прошлого. А египетский феллах, деликатно выражаясь, чуть больше пострадал в этом смысле, чем наши археологи. Спасти храм Абу Симбела любым способом — да разве это все?..

■
Когда на заре египетский крестьянин вместе с мулом отправляется пахать землю, он совершает то же, что совершали его далекие предки 6 тысяч лет назад, употребляя при этом те же орудия. Он вообще делает почти все, что делали в древности. Скажем, в наши дни с помощью плуга и двух волов крестьянин может перепахать 2,5 феддана (около 2,5 акров) земли — примерно столько же, сколько в древние времена...

Деревни его все еще страшно примитивны, и дома в них построены из глины. Буйволы и козы плещутся в тех же арыках, из которых он сам пьет и в которых моется. Он рано умирает — а пока живет, вечно болен. До революции 1952 года 87% египетских крестьян страдало от страшной трахомы, 90% — от эпидемических болезней, вызванных водой, — преимущественно от дизентерии...

Воды Нила несут феллаху равно и жизнь, и смерть. А когда он закрывает глаза, его могилкой становится земля пустыни — другая страшная ипостась его бытия. Это поразительный триумвират — Нил, пустыня, человек.

Основой сельскохозяйственной экономики до революции были «полуземельные», нищие, безнадежно погрязшие в долгах крестьяне. Далеко не всем дали землю реформы Насера, но по крайней мере они гарантировали безопасность той земли, которая у крестьянина уже есть. (Между прочим, на социальной лестнице землевладелец стоит выше купца, ремесленника, лавочника. Бросить землю — даже по необходимости — считается позором, осесть на земле — почетно.)

Коренные перемены в жизни египетской деревни, таким образом, еще не произошли, хоть сделано немало: введено обязательное школьное обучение детей с 8 лет,

ученые стараются обеспечить крестьян чистой артезианской водой и убедить их, что мутная нильская вода убивает, а не исцеляет. Появилось, наконец, медицинское обслуживание.

Феллахи — любознательный, живой, смелый и жадный до знаний народ. Мир их чувств и мыслей вознесется, словно горная вершина, перед нашим взором, едва на свет появится поколение грамотных крестьян, искусенных не в одних заповедях Магомета, но и в тайнах арабской науки. Тогда произойдет — впервые в истории этого стойкого, отважного народа — новая, великая революция.

Угнетенный народ Египта не был никогда ни тупым, ни бездарным, ни ленивым. У него уже сейчас есть свои хлопкопрядильщики, железнодорожники, умелые фермеры, механики, строители, докеры, инженеры, химики, ученые, доктора, пилоты, люди, владеющие сотнями других профессий, — они и создадут технику будущего.

45 000 студентов учатся в трех университетах Европы. Технические науки, правда, изучают пока немногие, но пройдет всего 10 лет — и появятся образованные крестьяне, специалисты из рабочих, из среды мелких буржуа и тоже будут строить это будущее.

Победа египетского народа — событие громадного значения. Египтяне дали великий урок народам, успешная их борьба заставила встрепенуться весь застывший колониальный мир, встрепенуться и вспомнить о своих давних, гаснувших уже, надеждах на освобождение. Она вдохнула мужество в сердца угнетенных и воодушевила на дело, которое те сами считали невозможным. Свободная Куба своим рождением Египту обязана больше, чем внешним, очевидным причинам. А половина Африки — разве не дала ей надежду феллах и кузнец древней египетской земли?

...Жизнь может стать лучше, жизнь может быть лучше, радости и печали ее от этого воспринимаются лишь острее, и боль становится лишь ошутимее. Одни глупцы думают, будто египтянин не способен на глубокие чувства, ибо он бьет своего осла. Скажите египтянину, что в его власти уничтожить целый народ или употребить в дело новейшее бесчеловечное оружие, — и от ужаса волосы дыбом встанут на его голове, от ужаса перед изощренной жестокостью западного мира, который его-то чувства все еще презирает.

Бесхитростно, просто египтянин воспринимает мир, это верно, сложности современного бытия с трудом проникают в его сознание. Однако хотя политические убеждения простого египтянина пока еще примитивны, а нормы поведения сковал Коран, его пылкий дух стремится все глубже в смысл вещей, а его человеческое достоинство, его внутреннее благородство уже сегодня видны всем: он нежно любит своих детей и живет по законам сердца, а не сухого разума, он стойчески переносит лишения и удары судьбы, и он мгновенно пробудился, едва забрезжил над его головой новый день.

Мечты и чаяния египтянина так часто предавали в прошлом, что сила его оптимизма (он всегда был готов начать все сначала) просто поразительна. Он жил в мистическом, туманном мире обещаний, но ныне надежды начали сбываться, а великие перемены на его земле зависят и от него самого.

В Египте сейчас идет революция, вызванная к жизни экономическим положением страны: необходимо создать индустриальное общество на современном уровне, в котором хватит пищи все растущему населению Египта (а оно уже истощает богатую безводную землю).

Население страны ежегодно увеличивается на 7 тысяч человек. При Мухамеде-Али на 5—6 млн. человек приходилось 4 млн. федданов пахотной земли. В 1964 году 6 млн. федданов приходилось уже на 30 млн. человек. Этой логикой и рождена Ассуанская плотина, ибо она не только даст Египту дополнительно 1,5 млн. федданов пахотной земли, но и изменит всю ирригационную систему, обеспечит дешевую электроэнергию, потребную для индустриализации страны.

В 1952 году в стране было 1 600 000 занятых на производстве рабочих, а в июле 1964 года их число возросло до 7 млн. человек.

Как же он выглядит нынче — рабочий человек, сотворенный из глины египетской? Оборванный паяльщик, ковыляющий по деревням с паяльной лампой в руке и мешком для инструментов за плечами, повсюду спрашивающий работу (выполнять ее он сядет прямо посреди уличной грязи), починяющий горшки, трубки, керосинки, примусы — такого рабочего в основном получила в наследство египетская революция. До 1952 года у него не было будущего.

В Каире рабочие живут повсюду — даже под сенью нового отеля «Хилтон». Во всех городских закоулках, буфетных, комнатах для прислуги ютятся рабочие семьи. Особенно много их живет на шумных улицах — таких, как Булак, Шубра, Абассиа...

На улице Саида Зейнаб густо перемешаны человеческие жилища и мастерские. В комнатухах размером с лондонский автобус, в цехах, величиной не более европейской кухни, плавят металл, на токарных станках, купленных по дешевке у англичан или у американцев (после войны), вытачивают механизмы идеально точных размеров. Все это происходит почти на тротуаре, и рабочий, шлифующий на станке какую-нибудь шестеренку, рукоятку, — чаще всего мальчишка лет 13—14. К 16 годам он превращается уже в знатока дела.

Впервые в истории на земле Египта появился пролетариат, и ряды его множатся день ото дня.

Цифры роста рабочих, которые я привел выше,— это далеко не все. Не менее важен (быть может, он-то и важнее всего) человеческий характер, стоящий за цифрами. Нынешний египетский рабочий мало похож на прежнего и сознает, что он уже не просто личность, но целый класс, что его политические взгляды немало значат для страны и, стало быть, для всего мира. Он действительно все это понимает — именно потому между ним и прежним ремесленником, «полукрестьянствующим» паяльщиком,— почти ничего общего.

■
«Западному» взгляду обыкновенная египетская женщина все еще представляется забитым, униженным существом, всегда в черном, робко выглядывающим из-за спины мужчины и совершенно не способным хоть к какому-то самовыражению. Правда, особо религиозные египтяне и теперь еще, как встарь, «берегут» своих женщин от участия в жизни общества, но воображать, что даже в прежние времена это обстоятельство лишало женщину силы,— значит откровенно заблуждаться. Всю глубину этого заблуждения способен оценить лишь египтянин.

В пору самых свирепых ограничений, налагаемых на женщину мусульманской религией, она продолжала — благодаря влиянию в доме — играть значительную роль в общественных делах. Любопытно, между прочим, что основателем династии Мамелюков была женщина — Шайя-аль-Дар. Турецкая или армянская рабыня, она (подобно Зенобии в римские времена) стала правительницей — после смерти супруга и покровителя Айюбида-аль-Сали.

Эхнатон, самый просвещенный фараон Египта, прогуливался по улицам Города Солнца в обществе жены, царицы Нефертити, и к женщинам своей семьи вообще относился как к равным — неслыханное свободомыслие по тем временам...

Особенно страдали египетские женщины в эпоху Оттоманской империи, но и века чудовищного гнета не отняли у них силы духа, красоты, мужества.

Они пробивали себе путь в университеты родины, уезжали учиться за границу. Первая женщина-юрист появилась в Египте всего лишь на 50—60 лет позже, чем в Европе. Над ней смеялись, ее травили, но она вынесла все и положила начало настоящей новой традиции, а теперь, после июльской революции, ее профессия стала обычной профессией среди женщин.

Конституция дала женщине право голоса — а в мусульманской стране это значит куда больше, чем в европейской, к тому же в политике страны египтянки разбираются лучше, чем швейцарки, лишённые избирательного права.

Египетские женщины начали освобождаться от черной паранджи, веками сковывавшей их движения...

■
Судьба Египта осложнена его своеобразным историческим наследием и промежуточным положением между Востоком и Западом, между Африкой и Европой.

Новый Египет стал центром восставшей Африки, вдохнителем арабских стран, не завершивших еще революционную борьбу.

Земля энергичных, жизнерадостных, миролюбивых людей... Ее народ думает лишь об одном: как построят он свой новый мир — преобразовав речные русла, усмирив могучие воды, покорив горные недра и бескрайние просторы пустыни, что, «соединившись» с Нилом, дарует ему бесценные плодородные пашни.

И ребятишки, как прежде, будут доить коров, и зеленые поля останутся, как прежде, покоиться под теплым солнцем...

Вдохните в сумерках запахах клевера, отведайте сладких фиников с высокой фаюмской пальмы, пройдите по дорожкам, окаймляющим свежие воды каналов, послушайте, как шутят и смеются в полях женщины, и если ощущение высокой древности передастся вам и вы испытаете счастье от близости к ней — значит, частичку живого Египта вы обрели и приняли в душу...

Утрс Каира полно звона, шума, суеты; зажглись доменные печи, к Нубии и Судану медленно покатались по рельсам поезда — туда, где встает посреди Нила гигантская стена; струи свежей воды залили мостовые, и такси, почти вплотную друг к другу, плывут вдоль улиц с односторонним движением... Это жизнь, это деятельность, это бурный, неукротимый рост страны.

Ей цвести, жизни,— не ради одного Египта, ради всех арабских и африканских земель, ради будущего Средиземноморья и Малой Азии, ради единства материков, которое скрепит этот всемирный «перекресток»... А бесценным «общим» нашим «наследием» пусть станут счастливые глаза египтян.

Египет пробудился от векового сна.

Перевод с английского И. ЯНСКОЙ

